

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.207	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 4.102	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2018 Issue: 04 Volume: 60

Published: 30.04.2018 <http://T-Science.org>

Timur Ednanovich Karabaev

Defense Attorney
(member of Bishkek territorial advocatura),
Graduate student of National Academy of Science
of the Kyrgyz Republic

SECTION 32. Jurisprudence.

THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE MECHANISM OF PROCEDURAL AGREEMENTS AS A TOOL FOR COUNTERACTING ORGANIZED CRIME

Abstract: One of the most important issues is the need to effectively combat organized crime in the Kyrgyz Republic, as practice has shown the lack of the necessary procedural tools for law enforcement agencies to disclose complex crimes committed by organized crime at the national and regional levels. The new concept should be seen through the prism of efficiency and functional-economic reasonableness.

Key words: procedural agreement, plea bargaining, cooperation with investigation, criminal process, judicial and legal reform.

Language: Russian

Citation: Karabaev TE (2018) THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE MECHANISM OF PROCEDURAL AGREEMENTS AS A TOOL FOR COUNTERACTING ORGANIZED CRIME. ISJ Theoretical & Applied Science, 04 (60): 147-150.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-04-60-28> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2018.04.60.28>

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация: Одним из самых важных вопросов является необходимость эффективной борьбы с организованной преступностью в Кыргызской Республике, так как практика показала отсутствие необходимых процессуальных инструментов у правоохранительных органов для раскрытия сложных преступлений, совершаемых организованной преступностью на национальном и региональном уровнях. Новая концепция должна рассматриваться через призму эффективности и функционально-экономической разумности.

Ключевые слова: процессуальное соглашение, сделка с правосудием, сотрудничество со следствием, уголовный процесс, судебная реформа.

Introduction

Концепция «сделки с правосудием», выраженная в правовом институте «процессуальных соглашений» является результатом судебной реформы [1], проводимой в Кыргызской Республике (далее – КР) в период с 2012 года. Данный институт также может выступить отражением развития общественных отношений и ответом на новые вызовы, стоящие перед государством в виде новых видов преступной деятельности, усложнением их формата, структуры, аспекта технологического обеспечения и интенсификацией общественных отношений в целом. Эти и другие важные тенденции, и процессы (например, как бюрократизация

уголовного процесса, загруженность судов и правоохранительных органов и т.д.) привели к необходимости проведения судебной реформы в КР и разработке нового уголовно-процессуального законодательства, включая новый Уголовно-процессуальный кодекс [2] (далее – УПК КР) с принципиально новыми характеристиками, новыми фокусами и содержательными особенностями.

Materials and Methods

Одним из самых необычных инструментов является механизм процессуальных соглашений, который, как отмечают эксперты, выражает «... качественно иное содержание отношений государства и личности... утилитарные

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.207	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 4.102	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

соображения удобства, экономии и быстроты действий публичной власти» [3].

Так, в аналитическом обосновании разработчиков отмечалось, что даже с учетом постоянных изменений и дополнений, в действующем УПК КР все же выражены такие проблемные аспекты, как превалирующий обвинительный уклон, низкая эффективность процедур досудебных/судебных стадий, организационный и функциональный бюрократизм, и многое другое, что в целом снижает эффективность борьбы с преступностью, особенно в отношении некоторых видов преступлений, совершаемых организованными группами лиц.

Указанная справка-обоснование [4] содержит положение о сущности рассматриваемых механизмов, которые вводятся для борьбы именно с организованной преступностью «...суть процессуального соглашения заключается в способствовании лица раскрытию и расследованию таких преступлений как торговля людьми, ... акты терроризма, организация незаконного вооруженного формирования, бандитизм и организация преступного сообщества, незаконный оборот наркотиков».

Одним из самых важных вопросов была необходимость эффективной борьбы с организованной преступностью в Кыргызской Республике, так как практика показала отсутствие необходимых процессуальных инструментов у правоохранительных органов для раскрытия сложных преступлений, совершаемых организованной преступностью на национальном и региональном уровнях.

В условиях рыночной экономики становится важным обеспечение эффективной борьбе с преступностью, так как эксперты отмечают, что «...наибольшую опасность для развития экономических отношений представляет преступная деятельность организованных криминальных элементов, сопровождающаяся, как правило, коррупционными связями в различных государственных органах» [5, с. 250].

Кроме непосредственной справки-обоснования в таких случаях можно исследовать и другие важные документы, говорят о мотивации и причинах такого резкого изменения законодательства. Одним из таких документов можно рассматривать Заключение Комитета по судебным-правовым вопросам и законности по проекту УПК КР, в котором указывается, что задачами УПК КР устанавливаются такие вопросы, как повышение эффективности противодействия преступности в стране [6].

В России в период введения данного института в уголовно-процессуальное законодательство, разработчики законопроекта

ссылались на опыт западных стран (и в первую очередь на опыт США). Отмечалось [7], что в указанных странах вследствие активного использования соглашений о сотрудничестве правоохранительные органы смогли значительно снизить активность организованной преступности. Вместе с тем, многие адвокаты [8] подвергли критике такие упрощенные подходы в уголовном процессе, которые вводятся в благих целях, но вместе с тем снижают некоторые гарантии эффективности и непредвзятости в процессе.

Среди возможных негативных последствий неэффективной реализации рассматриваемого механизма часто выделяется вопрос коррупционной составляющей. Данное опасение выражается в том, что законодатель дает возможности для подозреваемого и прокурора обговорить определенные условия сотрудничества (чаще предоставление определенных сведений подозреваемым или, реже, выполнения каких-либо конкретных действий со стороны подозреваемого) вследствие чего размер наказания для данного лица может быть значительно снижено (включая даже возможность замены видов наказаний, к примеру, замена наказания, связанного с лишением свободы, на виды наказаний, не связанных с лишением свободы).

В связи с тем, что законодатель не указывает каких-либо ограничений в этом вопросе (определение условий сотрудничества и возможное смягчение наказания), то справедливо встает вопрос о возможной коррупции в этом вопросе, когда возможны случаи сговора между подозреваемым и прокурора. Такой негативный вариант событий возможен и в ситуации, когда подозреваемым является лицо, занимающее руководящее место в преступной сети и может дать даже фиктивные сведения, то есть будет иметь место фиктивное сотрудничество в рамках процессуального соглашения.

Вопрос фиктивного сотрудничества также является одним из важных моментов, которые правоприменители должны иметь в виду, так как этот негативный аспект прямо говорит или о недоработке органов расследования или же свидетельствует о прямой коррупции. Фиктивность сотрудничества выражается в ситуации, когда подозреваемый выполняет условия сотрудничества, заранее зная об отсутствии каких-либо значимых результатов такого сотрудничества, то есть происходит простое имитирование выполнения каких-либо действий (в том числе предоставление недостоверной, устаревшей или незначительной информации) со стороны подозреваемого.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.207	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 4.102	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Другой проблемной тенденцией, связанной с реализацией рассматриваемого процессуального механизма, является вопрос фиктивной преюдиции, то есть ситуации, когда лицо, давшее показания по своему уголовному делу, привлекается далее следствием в качестве свидетеля по следующему уголовному делу. В такой ситуации, лицо не является объективным свидетелем, так как от показаний лица зависит его собственное состояние вследствие того, что наличие противоречий в показаниях потенциально создает возможность пересмотра первоначального приговора в отношении данного лица (свидетеля, которое ранее заключило соглашение о сотрудничестве по своему уголовному делу). Более того, такая ситуация также лишает возможности защитников (адвокатов) проверять, опротестовывать или экзаменовать некоторые положения, уже закрепленные первоначальным приговором в отношении такого лица (свидетеля, которое ранее заключило соглашение о сотрудничестве по своему уголовному делу), если эти положения используются стороной обвинения в качестве доказательств по другим уголовным делам.

Conclusion

Высказываемые некоторыми экспертами (и практикующими юристами) опасения о возможных негативных последствиях активного использования института процессуальных соглашений, все же не снижает возможных позитивных эффектов от правильного использования механизма процессуальных соглашений.

Более того, считаем активное использование данного соглашения особенно актуальным в настоящее время, так как многие преступления, совершаемые организованными группами не расследуются в полной мере именно вследствие отсутствия таких механизмов.

Эксперты также сходятся в таком мнении, когда рассматривают определенные виды преступления. К примеру, отмечается, что «...торговля наркотиками это хорошо организованный, законспирированный, а в некоторых случаях и коррупционный вид преступной деятельности... повышение эффективности борьбы с наркопреступностью можно добиться путем привлечения лиц, задействованных в сложных схемах незаконного наркооборота к сотрудничеству с правоохранительными органами» [5, с. 251].

Более того, активное использование возможностей сотрудничества позволяет раскрывать не только то преступление, в отношении которого осуществляется такое сотрудничество, но также позволяет обнаруживать и доказывать и другие эпизоды преступной деятельности, что также обеспечивает качества эффективности и объективности в процессе расследования [9, с. 118-121].

Если рассматривать [10; 11; 12, с. 241] следственную ситуацию как совокупность фактических данных, отражающих существенные черты события на определенный момент расследования преступления, криминалистический прием как наиболее целесообразную линию поведения в расследовании (и тактический прием как приемы подготовки и проведения следственных действий), то становится ясно, что в такой ситуации, большое значение приобретает слаженная и эффективная работа правоохранительных органов, органов прокуратуры, следственных органов и органов дознания, так как от их совокупной оценки возможностей сотрудничества, эффективного анализа конкретной следственной ситуации и будет определяться возможность использования того или иного криминалистического или тактического приема.

References:

1. (2013) Ukaz Prezidenta KR ot 8 avgusta 2013 goda # 147.
2. (2017) Uголовно-Protsessualnyiy Kodeks KR ot 2 fevralya 2017 goda # 20 (Vvoditsya v deystvie Zakonom KR ot 24 yanvarya 2017 goda # 10 s 1 yanvarya 2019 goda).
3. (2009) Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve storon v uголовnom protsesse Rossiyskoy Federatsii: doktrina, zakonodatelnaya tehnik, tolkovanie i praktika. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk, Spetsialnost: 12.00.09-ugolovnyiy protsess.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.207	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 4.102	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

- Kolesnik V.V. (rezhim dostupa: <http://lawtheses.com/dosudebnoe-soglashenie-o-sotrudnichestve-storon-v-ugolovnom-protssesse-rossiyskoy-federatsii-doktrina-zakonodatel'naya-tehn>).
- (2018) Spravka-obosnovanie k projektu UPK KR (rezhim dostupa: <http://kenesh.kg/ru/draftlaw/166082/show>).
 - (2014) Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve kak taktiko-kriminalisticheskii element borbyi s organizovannoy prestupnostyu, Hamidullin R.S., Soyuz kriminalistov i kriminologov, 2014, #3-4, p.250.
 - (2018) Zaklyuchenie Komiteta po sudebno-pravovym voprosam i zakonnosti po projektu UPK KR (rezhim dostupa: <http://kenesh.kg/ru/draftlaw/166082/show>).
 - (2009) Lovushka dlya mafii ili sdelka s sovestyu?, rezhim dostupa: <https://rg.ru/2009/06/09/sdelka.html>
 - (2018) Zapadnyiy opyt «uproschenogo pravosudiya» mozhet dat nepredskazuemye rezultaty, Anatoliy Kucheren (advokat, chlen Obschestvennoy palaty RF), Rossiyskaya gazeta - Federalnyiy vyipusk #4927 (103).
 - Udovichenko V.S. (2012) Sledstvennyie situatsii doprosa, podozrevaemogo i obvinyaemogo po ugolovnyim delam v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv//Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012, #2-1., p.118-121.
 - Gavlo V.K. (1968) O pervonachalnykh sledstvennykh deystviyakh pri rassledovanii prestuplenii: doklad na itogovoy nauch. konf. yurid. fakultetov. – Tomsk, 1968, - Ch.3.
 - Drapkin L.Ya. (2010) Teoriya kriminalisticheskikh situatsiy: etapyi razvitiya, struktura, sistema//Byulleten Mezhdunarodnoy assotsiatsii sodeystviya pravosudiyu. – 2010. #2.
 - (2012) Kriminalistika. Uglublennyiy kurs/pod red. L.Ya.Drapkina. – Moskva «Vysshaya shkola», 2012, p.241.

